

9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978—1980.
10. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Л., 1970.
11. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.
12. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / Сост. Л. П. Алекторова, Л. И. Балахонова, С. Л. Баженова и др. М., 1991—1993. Т. 1—4.
13. Зошенко М. Избранное: В 2 т. Мн., 1984. Т. 1.
14. Чехов А. П. Собр. соч.: В 12 т. М., 1956.

Т. Г. Трофимович

К изучению состава и ономаσιологической структуры старорусских объектных наименований

Объектный тип предметных наименований является одним из продуктивных в системе номинации старорусского делового языка. Известно, что объект (позднелат. *objectum* — предмет, от лат. *ob* — бросаю вперед, противопоставляю) — это то, что противостоит субъекту, на что направлена предметно-практическая и познавательная деятельность этого субъекта [1, с. 123]. Отметим отдельно, что привлекаемое нами понятие объекта выходит за рамки своего лингвистического содержания. В лингвистике под объектом понимается формальная и содержательная категория синтаксиса, а в содержательном плане — это имя предмета или лица, на который направлено действие, выраженное глаголом [2, с. 341]. В нашем понимании объектом является любой предмет окружающего мира, реалья действительности, данная субъекту в ощущениях и восприятиях. Этот объект в философском понимании слова может сам осуществлять действие, равно как и действие может быть направлено на него (*березы растут, перец насыпают, кур содержат, колеса делают*). Такие производные наименования как *березник, перечница, курятник, колесник* могут быть истолкованы как единицы объектного типа, если в качестве типологизирующего параметра привлечен характер ономаσιологического признака, который в данном случае квалифицируется как объектный.

Выделить этот тип предметных наименований позволяет анализ номинативного суждения, схемы возникновения рассматриваемых имен. Ее достаточно сложно выстроить из-за предикативной части, которая в данном случае может быть очень разной. Если опереться на приведенные примеры, то получится, что *X — это то (место), (где растет) что; X — это (человек), который (изготавливает, производит) что; X — это (посуда, емкость), в которой (хранится) что; X — это (помещение), в котором (содержится) кто*. Очевидно, что в номинативном суждении наиболее значимая для мотивации производного наименования информация — упоминание объекта окружающего мира. В обобщенном виде представить НС для наименований объектного типа достаточно сложно, примерно оно может выглядеть как объяснение: *X назван так потому, что связан с объектом Y*.

Наименования объектного типа в старорусский период особенно широко представлены среди *potina personae*. Мы же обратимся к менее продуктивным объектным названиям блюд и кушаний, помещений, пошлин и плат, зарослей и некоторым другим.

По названиям произрастающих растений, деревьев, получили свои наименования некоторые рощи, молодые леса, поля, земельные участки. *X — это то, где что-то растет: вересняк — вересник, вязник, вишняк, березняк — березняк, брусничник, дубник — дубняк, ельник — ельняк — елничник — ельняк, каличник, камышник, капустник (огород капусты), кедровник, кленник, конопляник, мшаник — мшарник, маличник, хмельник, олешик — олешняк, орешник, осинник, липник — липняк — липняк, лозник, огуречник, пихтовник, хмельничиха, овсяще (засеянное овсом поле), репище (поле, засеянное репой), гороховище, житнище, гречище*. Приведенные универбы свидетельствуют о том, что для их возникновения использовались суффиксы *-ник-, -няк-, -няг-, -ищ-е*. КОП (конкретизированный ономаσιологический признак) — объект *произрастания*. В деловой письменности названия лесов и зарослей встречаются чаще всего в документах, определяющих границы земельных угодий. Огороды, поля чаще всего упоминались при описании имущества.

Данные русских народных говоров подтверждают продуктивность и широкое распространение названий различных зарослей, которые восходят к наименованиям образующих их растений. Их крайне много, согласно карте № 85 Диалектологического атласа русского языка, в центре России их 187 и образованы они по регулярным моделям с использованием суффиксов *-ник-, -няк-, -няг-*: *вишняк, сосняк, олешняк, березник, вишник, дубник, малиньяк, дубьяк, осиньяк* и т. д. [ДАРЯ 1996, с. 235—238]. Редко в подобных наименованиях наблюдается усложнение указанных суффиксов, как в названиях *малишник, пихтарник, пихтовник, смородельник, смороденник, смородишник, сосновник, вишневеник, вишарник, вишенник*. Там, где проявляются форманты *-овник-, -евник-, -енник-* можно говорить о результатах сворачивания неоднословных наименований типа *сосновый лес* или *смороденные заросли*.

В белорусских говорах наименования молодых лесов и зарослей отличаются несколько большим разнообразием, хотя основные установленные нами деривационные модели преобладают. В Лексическом атласе белорусских народных говоров картографированы названия *соснік — саняк — сасноуник — сасонник; ельнік — яліннік; бярэзнік — беразняк; аляшнік — алышэуник — алыхуник; дубняк — дубнік* и другие [ЛАБНГ, 1, карты 140, 143, 149, 153, 155].

Некоторая часть объектных универбов называла в старорусском языке засаженный чем-то огород, засеянное чем-то поле, участок земли: *капустник, репище, хмельничце, овсище, житнице, гречище*. Эта группа наименований содержит единицы с полифункциональным суффиксом *-ищ-е*, который мог принимать участие в образовании имен мест, где раньше что-то было (*печище, банище, речище*), занятого чем-то пространства (*дворище*), места проведения каких-либо работ (*мочулище — место, где мочили лен, пеньку*). Чаще всего этот суффикс использовался в наименованиях засеянных чем-либо полей и полей, с которых что-либо убрано. Так, поля после убранной культуры, в центре России называли слова: *пшеничище — пшонник — пшенись — пшенишница, овсянище — овсяник — овсишник — овсянка, просянище, ячменье, гречишнице — грчанище — гречишник, гороховище, льнище, подсолнище, клевериче* [ДАРЯ, с. 150—160]. Судя по русским и белорусским говорам, нередко одно и то же слово именовало в зависимости от ситуации как засеянное, так и убранное поле [Программа 1994, с. 203; ЛАБНГ, 4, карты 137, 138 и др.]. Это подтверждают и исследования по земельческой лексике [3, с. 9].

Определенная часть объектных наименований образует немногочисленные группы единиц, обзор которых попытаемся представить в таблице.

Таблица

Непродуктивные группы старорусских предметных наименований объектного типа

Группа	КОП	Деривационные средства	Примеры универбов
1	Объект, из которого объект приготовлен	<i>-ник-, -овник-, -иц-а</i>	<i>Курник, медовина, малиновик</i>
2	Объект хранится в предмете (сосуде)	<i>-ник-, -иц-а</i>	<i>Водник, румяница</i>
3	Объект является средством платежа	<i>конденсация</i>	<i>Рыбное, медовое</i>
4	Объект, с которым работает предмет	<i>-ник-, -щик-</i>	<i>Лошадинник, горновщик</i>
5	Объект содержится в предмете	<i>-ник-, -арник-, -н-я, -иц-а, -арух-, -ух</i>	<i>Свинарник, овчарух, курятня</i>
6	Объект хранится в предмете (помещении)	<i>-иц-а, -н-я</i>	<i>Сальница, пороховница, солодовня</i>

Примечания.

Тематические группы наименований, схемы их возникновения и перечень.

1. Названия кушаний и блюд. *X — это то, что приготовлено из чего*: икряник (блины или пирог с икрой), медовина (напиток из меда), малиновик (напиток из малины), свекольник (блюдо из свеклы или ее ботвы), рыбник (пирог с рыбой), овсяник (хлеб из овсяной муки), сырник (оладьи из творога, яиц и молока), гречевник (изделие из гречневой муки), гороховина (каша из гороха), крупник (блюдо из круп), курник (пирог с курицей), луковник (пирог с луком), житник (хлеб из ячменной муки).
2. Названия сосудов. *X — это сосуд для чего*: *перечница, песочница, водник, звездан ица, горчичник, деготница, румяница (коробочка для румян), солоница, укусуница, горчичница*;
3. Названия лиц. *X — это тот, кто работает с чем или кем*: лошадинник (подковывает лошадей), железник, домник (крестьянин, который занимается домничным промыслом), горновщик (работает при горне), метальщик (мастер по металлу), медник (работает с медью), серебряник (работает с серебром), деревщик — деревянчик — деревечник.
4. Названия пошлин и плат. *X — это та плата, которую брали чем или за что*: *рыбное (за право ловить рыбу), поплашное (пошлина с дров и строевого леса, взимаемая плахами), масленичное, медовое*.
5. Названия помещений. *X — это помещение, где содержится кто*: коровник, свинарник, телятник, псарня, овчарня — овчарник — овчарух — овчух, курятник — курник, голубня — голубник — голубятник, воловня, сокольня, птичник.
6. Названия помещений. *X — помещение, в котором хранится что*: сальница, пушкарня, пороховница, просварня, солодовня, квасница, молодежня, мучня, сенник — сенница, дровяник.

Прокомментировать часть представленных в таблице наименований можно, обратившись к свидетельствам историков. Так, Н. И. Костомаров указывает, что в XVI—XVII вв. русская кухня была вполне национальной, «кушанья были просты и разнообразны, хотя столы русских и отличались огромным количеством блюд; большая часть этих блюд были похожи одно на другое, с небольшими различиями» [4, с. 179]. Перечисленные далее названия блюд свидетельствуют о том, что большую их часть составляют имена, которые воспринимаются как первичные: *хлеб, пирог, рыба, горох, репа, грибы, блины, оладьи, котлома, каравай и другие*. Производных однословных единиц немного, чаще всего блюда назывались описательно (*пирог с рыбой, шти с курицей, оладьи с медом, заяц под взваром*) или неоднословными наименованиями субстантивно-атрибутивного типа (*пирог пряженный, пирог подовой, каша речневая, заяц душиный, заяц рассольный, гусь жареный, горох ботный, горох чеженый*). Не видно, что бивербы могли сворачиваться: *блин икряной — икряник, пирог луковый — луковник и т. п.* Это создает условия для неоднозначной оценки деривационных средств: *икряник < икра (суффикс -аник-), икряник < икряной блин (суффикс -ик-)*. Подобная ситуация в системе номинативной деривации нами неоднократно оценивалась ранее, ее устойчивость подтверждают диалектные данные, например, названия супа, приготовленного из чего-либо: *ульбяник, картовник, морковник, брюквенник, гороховик, грибник и другие* [Программа, с. 289].

В работах по исторической лексикологии приводятся и анализируются слова, которые могут быть привлечены к нашему исследованию. Так, Г. В. Судаков указывает, что в старорусский период существовали названия посуды, которые возникли в зависимости от того, что в них хранилось. Это не только *укусуница, перечница, солоница, горчичник, но и лююнник, огуречник, овошник* [5, с. 78]. Картоотека Архангельского областного словаря насчитывает среди прочих слов около 60 видовых названий сарафанов, 29 из которых получили свои названия по материалу, из которого они сшиты: *гарусник, кашемирник, китайник, кумачник, тласник, пестрядельник, сительник, шелковик и другие* [6, с. 71]. Эти сведения подтверждают наши представления о тематическом разнообразии объектных наименований и их продуктивности в прошлом.

Мы указали, что с привлечением объектного признака возникла определенная часть наименований помещений. Данные русских и белорусских народных говоров подтверждают распространенность таких названий, обнаруживая крайнее разнообразие деривационных средств. Так, например, помещения, где содержались домашние животные имеют названия: *овчарник* — *овчатник* — *овечник* — *овшаник* — *овчарух*; *коровник* — *коро-вятник*; *свинник* — *свиныйник* — *свиневник* — *свинишник* — *свинушник* — *свиных* — *свинарух* [ДАРЯ, с. 73—74], *баранник*, *трусятник*, *гусятник*, *курятник* — *курник* [Программа, с. 234], *куратник* — *курачник* — *курник* — *курсадник* — *курасадня* [ЛАБНГ, 1, карта 39] и другие. В принципе, набор деривационных средств диалектных универбов находится в обозначенных для старорусского периода пределах. Это суффиксы *-ник*-, *-атник*-, которые являются композитными морфемами (**-ъп*- + **-ик*-; **-епт*- + **-ъп*- + **-ик*-), и суффиксы *-ня*-, *-ух*-, восходящие к праславянским **-ьпа*-, **-исч*-. Ж. Ж. Варбот указывает на существование в древнерусском языке наименований типа *мятная*, *пашня*, *доводня*, *сторожня* [7, с. 79], этимология слов *кожух* (< *кожа*), *петух* (< *петь*) тоже свидетельствует о древности названных суффиксов [Фасмер, 3, с. 253: 2 с. 277].

Старорусский деловой язык зафиксировал наименования, в которых объектный признак реализован с использованием конфиксации. При помощи конфиксов *на-* ... *-ник*-, *на-* ... *-ок*-, *под-* ... *-ник*-, *по-* ... *-ик* образованы универбы *насвечник* (*приспособление на свечу в виде тарелки*), *настольник* (*скатерть*), *напопорник* (*чехол на топор*), *наугольник* (*украшение на угол чьего-либо*), *наудильник* (*часть упряжи на удилах*), *нахвостник* (*убор на хвост лошади*), *начелок* (*украшение на лоб*), *нащельник* (*приспособление из дерева на щель в кровле*), *накулачник* (*приспособление для защиты кулака у рукояти сабли*), *наперсток*, *на-плечник* (*часть доспехов*), *наподольник* (*украшение на подол*), *напольник* (*украшения на полы одежды*), *нарукавник*, *наручник* (*защитные доспехи для рук*), *наоконник* (*занавеска на окно*), *полавочник* (*покрывало на давку*), *подскатертник* (*покрывало на стол, на которое во время трапезы клали скатерть*). Объектный ООП уточняется в таких наименованиях КОП — предмет расположен над объектом или под ним.

Вероятно, к названиям объектного типа должна быть отнесена небольшая группа наименований с префиксом *недо-*: *недокунь* — *недокунок*, *недолось* — *недописка* — *недописок*, *недособоль*, *недопесок*. Однозначно установить значение слов трудно, СлРЯ предлагает считать их средствами именования шкур молодых зверей или тех, которые недавно поменяли шерстяной покров [СлРЯ, 10, с. 85—87]. Думается, что это не совсем точно, поскольку, В. И. Даль, например, указывает, что песец в зависимости от возраста и времени года мог иметь различные наименования, в том числе, и *недопесок*, *недошлый песец* [Даль, 3, с. 105]. Аналогичные сведения находим в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона [XXIII, с. 420]. Очевидна эксплуатация идеи недостижения зерем промышленной зрелости, однако только некачественные шкурки эти слова вряд ли называли. Л. Г. Панин в своей работе о лексике западносибирской деловой письменности напрямую указывает, что слова *недопись*, *недособоль*, *недопесок*, *недокунь* наряду с обобщающими *недорость*, *недоросль* называли незрелых животных [8, с. 125—126].

В рамках настоящей публикации мы представили лишь часть сведений о составе и ономазиологической структуре старорусских объектных наименований. Они подтверждают основные выводы, полученные нами в результате изучения объектного типа в целом. Этот тип характеризуется тематическим и деривационным разнообразием составляющих его единиц. Ономазиологический признак структурируется крайне специфично: обобщенный ономазиологический признак *по объекту* уточняется конкретизированным ономазиологическим признаком *по объекту произрастания, содержания, расположения, материалу изготовления*. Такое дробление КОП определяется онтологическими свойствами объекта, проявляющимися таким образом в процессах номинативной деривации.

Сокращения

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: В 3 т. Т. 3. М., 1996; **Даль** — Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978 — 1980; **ЛАБНГ** — Лесичны атлас беларуских народных говоров: У 5 т. Мн., 1993—1997; **Программа** — Программа собрания сведений для диалектологического атласа русского языка. М., 1994. **СлРЯ** — Словарь русского языка XI—XVII вв.: В. 1—24 (издание продолжается). М., 1975 — 2000; **Фасмер** — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986 — 1987.

Литература

1. Философская энциклопедия: В 5 т. М., 1960 — 1970.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
3. Репневская С. В. Земледельческая лексика северного Подвinya и ее история. Авторф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
4. Костомаров Н. Г. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в 16 и 17 столетиях. М., 1992.
5. Судаков Г. В. Лексикология старорусского языка (предметно-бытовая лексика). М., 1983.
6. Маховая О. А. Видовые названия сарафанов в архангельских говорах // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. СПб., 1992. С. 70—75.
7. Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969.
8. Панин Л. Г. Лексика западносибирской деловой письменности (XVII — нач. XVIII в.). Новосибирск, 1985.

О. Р. Хомякова

Своеобразие романтического конфликта

Тотальное неприятие мира является основополагающим признаком романтизма (и русского, более мягкого и терпимого варианта, а уж тем более западноевропейского, прежде всего английского, байронического). Байронический герой мощной силой абсолютного отрицания мира, которому противопоставляет себя и свой идеал, фактически совмещает границы мира и границы глобального конфликта. Романтическая картина жизни проникнута резким разделением «своего» и «чужого», «я» и «не я». Романтическое искусство тяготеет к расширению противостояния героя не с персонафицированным противником, но с жизнью и людьми в целом. Конкретный виновник несчастья и страданий героя обычно представлен в произведении не в качестве реального противовеса (допустить уравнивания главного героя кем-то еще эгоцентрическое сознание романтиков не в состоянии), а скорее в роли первою дисгармонию в отношениях героя с миром как двух несовместимых противоположностей. Отсутствие или нарушение гармонических отношений с миром в целом, обрыв связей с кем-то одним, а со всеми и со всем — вот те обстоятельства, которые определяют специфику романтического конфликта, абсолютизирующего отрицание как доминанту мировосприятия и предопределяющего изоляцию героя от мира.

Развитие романтического конфликта представляет собой процессы первичного и вторичного отчуждения, в свое время описанные Ю. Манном [1]. Вначале личность отрывается от родной по рождению среды, затем от нового окружения, чем изоляция героя, его одиночество утверждаются как непреодолимые. Следствием конфликта является романтическое двоемирие: внешний мир и мир героя изолированы друг от друга и живут каждый по своим законам, непонятным и неприемлемым для антагониста. Контакты чередуются новыми конфликтами, в очередной раз убеждающими в невозможности единства.

Ф. Шиллер писал о том, что цель идилии «всегда и везде одна — изобразить человека в состоянии невинности, то есть состоянии гармонии и мира с самим собой и с внешней средой» [2, с. 440]. Романтизм формируется в отталкивании от идиллического мироощущения как иллюзорного, ложного и оправдываемого одним лишь юношеским невежеством и неопытностью. Романтики абсолютизируют конфликтность мира, считая состояние невинности навсегда и безвозвратно утраченным со времен первого